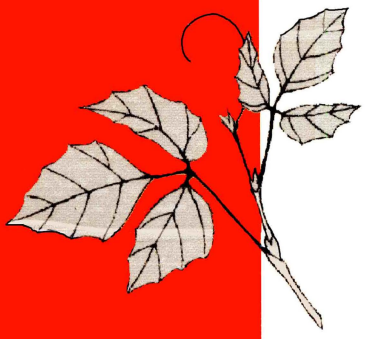
АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ



ВЫПУСК 3

ЕКАТЕРИНБУРГ 2002

архетипические **СТРУКТУРЫ** художественного **СОЗНАНИЯ**

3

екатеринбург 2002

УДК 003.07
ББК Ш 400.19
А 874

Научный редактор

Е. К. СОЗИНА

Рецензенты

А. В. ЧЕРНОВ
(Череповецкий государственный университет)

М. А. ЛИТОВСКАЯ
(Уральский государственный университет)

А 874 **Архетипические структуры художественного сознания:** Сборник статей. Третий выпуск / Сост. Е. К. Созина, Л. Ю. Прудникова; науч. ред. Е. К. Созина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 220 с.

ISBN 5-7525-1051-1

Издание представляет собой третий выпуск сборника научных работ, объединенных проблемой исследования архетипических структур художественного сознания и творчества и посвященных памяти Валентина Вонифатьевича Короны. Сборник включает статьи и воспоминания о личности и деятельности В. В. Короны – ученого синтетического плана, предложившего новую методологию естественно-научного и гуманитарного исследований, основанную на структурном подходе. Кроме того, читатель найдет здесь статьи ученых из разных городов России и зарубежья, в которых даются оригинальные интерпретации произведений А. Ахматовой, М. Лермонтова, А. Блока, И. Бродского, В. Ерофеева, А. Платонова, Ф. Достоевского, А. Чехова, А. Толстого и др.; ряд исследований носит междисциплинарный характер и позволяет расширить границы профессионального знания специалистов-гуманитариев.

УДК 003.07
ББК Ш 400.19

ISBN 5-7525-1051-1

© Созина Е. К., Прудникова Л. Ю., составл., 2002

1 Memoria

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ФЕНОМЕН В. В. КОРОНЫ

А. Г. ВАСИЛЬЕВ ЕКАТЕРИНБУРГ

Когда человек навсегда уходит от нас — пока еще живых, его душевное тепло остается в современниках. Идеи человека живут дольше воспоминаний и ощущений очевидцев. Некоторые идеи, понятия и термины становятся памятниками отдельным людям, роль которых в жизни, истории, искусстве или науке особенно велика.

Понятие «термин» имеет давнюю историю. По словам священника и философа Павла Александровича Флоренского, «термин» — латинское (римское) название межевого камня, который считался неприкосновенным, священным знаком и разделял земельные наделы римлян. Позднее понятие «термин» из обыденной речи было принято в качестве краткого символа для размежевания научных и технических понятий, облегчающего оперирование ими. Научные термины, как и межевые камни римлян, веками могут сохранять авторство их создателей и память о них. Из терминов, как из камней, строится постоянно ремонтируемое и растущее здание науки. Поэтому роль ученых — создателей новых терминов, как и роль зодчих, крайне велика. Здание, построенное ими, надолго переживает отпущенное этим людям в жизни краткое время творчества.

Особенно остро это ощущается, когда вспоминаешь о безвременно ушедшем от нас Валентине Вонифатьевиче Короне. За его скромной внешностью российского интеллигента-разночинца и негромкой размеренной речью скрывалась невероятно сильная и целеустремленная личность. Он никогда не уклонялся от ударов судьбы, стойко придерживался своих нравственных правил и был редким в наши конформные времена нонконформистом. В. В. Корона представлял собой невероятный сплав филолога и ботаника. Он автор трех монографий, из которых две ботанические и одна филологическая. Я полагаю, что к лингвистике и филологии его подтолкнули наука ботаника и, как ни странно, дружба с палеоботаником С. В. Мейеном. В науке его линия прямо продолжает линию Мейена, которого Валентин всегда считал своим главным учителем. Он много часов провел в разговорах с Сергеем Викторовичем в его московской квартире.

Сергей Викторович Мейен создал множество новых понятий и, соответственно, научных терминов. Ему принадлежат такие термины, как мерон, мерономия, рефрен, эволюционный запрет, процессуальная реконструкция, негомофилетические сходства, номотетическая морфология и многие другие. Эти понятия вдохнули новую жизнь в морфологию. Для В. В. Короны-морфолога особую роль играли представления Мейена о трансформациях структур, а также о законах и правилах, порождающих возможные морфологические трансформации. Теперь, когда я знаком с дискурсивными свойствами языка как информационной системы, обладающей вложенными программными свойствами упакованных коммуникативных команд (*Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я.* Семиотика описательных текстов: (Типологический аспект). СПб, 1999), мне становятся более понятными причины, по которым В. В. Корона рассматривал морфологию чрезвычайно широко, включая в нее анализ любых структур. В своих мыслительных операциях от морфологии предложений и слов он добирался до морфологии кристаллов и побегов растений. Во всех этих случаях он использовал трансформистские идеи Мейена и накопленный филологией опыт флексий.

С. В. Мейен скончался после тяжелой болезни в 53 года. Валентин часто вспоминал об этом. Вспомнил и в тот роковой день, когда пришел ко мне и сообщил о своей болезни. Он сказал мне, горько и растерянно улыбаясь: «Ты знаешь, Алеша, морфология — очень опасная наука. Ведь и Мейену тогда тоже было 53 года». Это была жестокая правда, так как через два месяца его не стало.

Алексей Геннадьевич Васильев — биолог. Институт экологии растений и животных УрО РАН, лаборатория экологических основ изменчивости и биоразнообразия животных. vag@ipae.uran.ru
© Васильев А. Г., 2002.

Начальное биологическое образование Валентин Вонифатьевич Корона получил под руководством академика А. Т. Мокроносова — физиолога растений, разрабатывавшего проблемы фотосинтеза, поэтому главной специализацией Короны была физиология растений. Однако больше всего его всегда привлекала морфология растений. Он был прекрасно осведомлен в физике, неорганической и органической химии, биохимии. Удивляло в нем и знание математики на уровне, существенно превышающем объем того курса, который преподается биологам в университете. Я был невольным свидетелем того, как, едва получив персональный компьютер, Валентин мгновенно освоил его, включая массу специальных прикладных программ. Когда я случайно завел с ним речь о психофизике, он очень оживился и, как глубокий эксперт, стал рассказывать мне о последних достижениях в этой области, увязывая их с существующими затруднениями в научном познании. В последние годы многих из нас удивляло и поражало его серьезное увлечение проблемами филологии и лингвистики. Интересно, что для него не существовало границ между разными науками. Обладая громадной эрудицией в самых разных областях, он легко применял методы одной науки к другой. Наибольший интерес у него вызывали удивительные параллели в структурных морфологических рядах в филологии и ботанике. К сожалению, эти идеи опубликованы им лишь частично. Такой живой интерес к самым разным областям естествознания и гуманитарных наук позволил В. В. Короне вооружиться мощным арсеналом подходов и методов, которые вылились постепенно в особую методологию его научного познания.

Поразительно было наблюдать материализацию самого процесса познания у этого необыкновенного человека. Мы работали с ним над монографией о структуре и изменчивости листьев растений (ни он, ни я тогда еще не знали, что это будет его последняя монография). Знание рождалось буквально на глазах, причем, на мой взгляд, практически из ничего. Это был сплав гениальной интуиции и знания законов структурогенеза объектов. Утром он задумчиво разгуливал по моему рабочему кабинету и, как факир, выкладывал буквально из воздуха варианты возможных структурных решений. Днем, за чаем, уточнял детали, а вечером приносил главу или часть главы книги, где четко и ясно были изложены и проверены на множестве видов растений поразительные морфологические схемы структурогенеза листа — уже в виде модели. Используя только что разработанную модель структурогенеза листа, он в течение нескольких дней открыл принципы формирования структуры листьев крапивы и малины, бегонии и березы, липы и одуванчика и многих других видов. Буквально на ходу он сформулировал концепцию двеллярной изменчивости (двелы — дентo-венальные элементы: зубчики по краю листовой пластинки с образующими их жилками). Оказалось, что двелы играют важную, если не основную, роль в расшифровке структурогенеза листьев растений. Так, на моих глазах, за два неполных месяца В. В. Короной были сформулированы основы модульной теории формирования листьев растений. К сожалению, объем нашей книги был ограничен, и в нее не вошло многое из того, что Валентин Вонифатьевич открыл и доказал в эти незабываемые для меня дни, полные научного азарта. В это же время, весной 2001 года, вернувшись с научной конференции морфологов в Санкт-Петербурге, он генерировал новые понятия: «гистион» — модуль клеток одной ткани; «фителла» — модуль, сформированный из «гистионов» разных тканей и являющийся элементом структурогенеза листа; «эпсион» (по-видимому, от epsus — побег) — модуль, сформированный из элементов побега при его закладке в пазухе листа (насколько я его понял). Эта иерархия модулей — промежуточных элементарных структурных единиц изменчивости, — с моей точки зрения, представляла собой весьма многообещающее теоретическое и эмпирическое решение в морфологии модульных структур.

Другой поразительное открытие было сделано Валентином в начале мая 2001 года. Он обнаружил, что у ряда видов листьев, сосудистая система которых оконтурена узкой полоской мезофилла и образует ветвящиеся (ремневидные) структуры на основе жилок, существует полное соответствие правила структурогенеза иерархически соподчиненных жилок известному ряду Фибоначчи (0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 ...), а у видов растений, у которых мезофилл соединяет (склеивает) большую часть ветвящихся жилок листа друг с другом, это соответствие хоть и просматривается, но ограниченно. Валентин радовался этому феномену и немедленно потащил меня на улицу к ближайшему газону, где показал, как удивительно выполняется последовательность Фибоначчи на случайно взятых растениях. Думаю, особое удовольствие Валентина от этой находки было связано с тем, что она полностью подтверждала номогенетические представления С. В. Мейена.

Валентин стремительно работал над завершением своей докторской диссертации, но не успел ее закончить. Я очень надеюсь, что удастся издать неопубликованные работы В. В. Короны, а также пересказ не записанных им на бумаге, но сформулированных устно идей, включая и описание структурогенеза, идущего в соответствии с последовательностью Фибоначчи.

Я бесконечно благодарен судьбе за то, что мне пришлось много и плодотворно обсуждать с Валентином наши общие научные проблемы. Благодарен и за те необыкновенно конструктивные ассоциации, которые возникали у меня в процессе наших долгих разговоров и существенно продвинули решение моих собственных задач.

В свое время С. В. Мейен — учитель В. В. Короны — изложил общую идею «мерона» и «мерономии», но не успел опубликовать их углубленное толкование. Эти понятия чрезвычайно важны для биологов-морфологов и эволюционистов. Одним из тех немногих слушателей С. В. Мейена, который не только слышал авторскую точку зрения, но и обсуждал разные аспекты «мерономии», был его ученик — В. В. Корона. Поскольку в филологических работах В.В. Короны на поэтических или мифологических примерах поясняется толкование автором мейеновских представлений о мероне и архетипе, эти работы имеют большое значение и для биологов. С другой стороны, представляется важным рекомендовать филологам, интересующимся проблемой архетипа в приложении к поэтике и иному литературному творчеству, почитать работы В. В. Короны-ботаника. Такой способ широкого видения проблемы исповедовал сам Валентин Вонифатьевич, что позволило ему далеко и нестандартно продвинуться в понимании как структуры поэтики Анны Ахматовой, так и закономерностей морфогенеза листьев растений. Сегодня чрезвычайно горько сознавать, что Валентин Вонифатьевич был полностью готов системно сформулировать все аспекты своего необычайно глубокого междисциплинарного мировоззрения, но не успел изложить это на бумаге.

В этом широком междисциплинарном подходе и заключается, на мой взгляд, феномен В. В. Короны. Валентин Вонифатьевич Корона очень ценил не только литературные произведения Гете, но и его ботанические открытия и систему морфологического анализа. Возможно, именно гений Гете и вдохновил В. В. Корону на аналогичный симметричный поиск архетипической структуры в поэтике.

Думаю, что после прочтения филологических работ В. В. Короны не только для филологов, но и для биологов новой содержательностью наполнятся утверждения С. В. Чебанова и Г. Я. Мартыненко: «...Как удается коммуникантам, владеющим общелитературным языком, передавать свои индивидуальные или групповые, иногда весьма нетривиальные, представления об объектах необыденной предметной области, пользуясь самыми обычными языковыми средствами? ...Как в условиях профессиональной коммуникации разрешается соссюровская антиномия общезначимости языка и уникальности речи?»[1]. Примечательно, что эхо этих проблем слышится и в кризисных явлениях современной генетики и эволюционной биологии: как соотнести ограниченный и общий для разных проявлений жизни набор элементов генома и уникальность эволюционных путей?.. Потрясающе глубокие перспективы развития новых идей в биологии могут возникнуть при обмене идеями и подходами, сложившимися в гуманитарных науках. Для такого плодотворного обмена необходимы «переводчики», одинаково эрудированные в естественной и гуманитарной сферах познания. Таким научным переводчиком, собственно, и был В. В. Корона. Благодаря его эрудиции мы — биологи-естественники — через рукотворные каналы, созданные для нас Короной, его каторжным трудом в последние годы жизни, можем открывать параллельные ряды структур и идей в гуманитарных областях науки. Несмотря на простоту и тривиальность этой мысли, необходимость такого подхода отнюдь не сразу делается очевидной, и по-прежнему кажется, что это лишь красивая надуманная схема, а не руководство к действию. Однако не следует рассматривать содержимое только своей «научно-исследовательской корзинки», полностью погрузив в нее голову; напротив, нужно взглянуть пошире, обратить взгляд к небесному своду. От этого выиграет не только собственная научная проблема — общая картина мира будет видна значительно лучше. В это верил Валентин Корона, поскольку в своей жизни он был необыкновенным эрудитом и оптимистом и, как мне кажется, всегда с наслаждением занимался процессом параллельного научного поиска в самых разных областях науки. В этом состояли метод и направление его научного творчества. Поэтому, интегрируя терминологию разных наук, Валентин Вонифатьевич Корона долгие годы занимался снятием многих «межевых» терминологических запретов на свободный обмен понятиями и методами исследований между естественными и гуманитарными науками. Применяя одну и ту же методологию, он сумел реализовать свой междисциплинарный подход в конкретных областях ботаники и филологии. Я видел, к чему этот «стерео-подход» приводит на практике, наблюдая процесс творчества В. В. Короны: он дает необыкновенную легкость и, одновременно, силу и надежность в решении проблематики обеих научных дисциплин. Именно таким мне представляется междисциплинарный научный вклад Валентина Вонифатьевича Короны — ботаника и филолога по призванию.

Примечание

[1] *Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я.* Семиотика описательных текстов: (Типологический аспект). СПб., 1999.